

М. Корольков

**Гримасы жизни. Из
воспоминаний военного
юриста**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
М11

М11 **М. Корольков**
Гримасы жизни. Из воспоминаний военного юриста / М. Корольков – М.:
Книга по Требованию, 2019. – 178 с.

ISBN 978-5-458-68388-3

ISBN 978-5-458-68388-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2019

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2019

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Каждый, кто хочет серьезно изучить жизнь, долженъ взять для себя матеріаломъ не только данныя положительнаго характера, но и явленія отрицательныя, которыя представляютъ собою, такъ сказать, патологическую сторону общественнаго организма. Отрицательныя явленія жизни, при серьезной и вдумчивой ихъ оцѣнкѣ, помимо зафиксированія ихъ, какъ фактовъ, могутъ привести къ выясненію такихъ коренныхъ недочетовъ и неправильностей въ самыхъ основахъ строенія жизни, которыя безъ этого могли бы остаться неосознанными, но которыя сами собою опредѣляютъ невозможность дальнѣйшаго нормальнаго развитія жизни, — а разъ замѣчены и осознаны эти недочеты и неправильности, то уже легче найти и вѣрный путь къ ихъ исправленію. Вотъ почему наблюденіе и изученіе судебныхъ процессовъ, касающихся преступленій, — т. е. рѣзкихъ эксцессовъ личности противъ установленнаго правовыми нормами и жизнью порядка, — всегда интересно и поучительно. Напрасно думаютъ, что въ этомъ отношеніи интересны только т. наз. „громкіе“ процессы, т. е. процессы о какомъ-нибудь сенсаціонномъ убійствѣ, грандіозномъ, дерзкомъ хищеніи, процессы съ аристократическими именами участниковъ, — такіе процессы являются всегда исключительными и, какъ исключенія, не даютъ увѣренности въ цѣнности выводовъ изъ нихъ. Серьезнѣе и значительнѣе могутъ часто окзаться именно процессы о дѣлахъ повседнежнаго, некричащаго характера, рисующіе печальную жизненную

обыденщину, мимо которой часто проходитъ поверхностный взглядъ наблюдателя, но которая указываетъ на глубокіе процессы ненормальности, прочно укрѣпившіеся въ жизни и незамѣтно, но неуклонно и вѣрно, подтачивающіе здоровое, нормальное ея развитіе. Каждый, кто внимательно прослѣдитъ и продумаетъ нѣсколько судебныхъ процессовъ, увидитъ, что въ нихъ скрываются такія болѣзненные явленія жизни, надъ которыми очень и очень слѣдуетъ призадуматься, — и тогда судебный процессъ явится не только новымъ раздражающимъ, по своей новизнѣ, впечатлѣніемъ, но и источникомъ глубокой и серьезной мысли.

Но особенно большой и поучительный матеріалъ могутъ собрать юристы, посвятившіе себя служенію судебному дѣлу. На массѣ судебныхъ дѣлъ, проходящихъ передъ ними, они видятъ жизнь во всемъ разнообразіи ея положительныхъ и отрицательныхъ явленій, они видятъ всѣ эти гримасы жизни, и если собрать этотъ многогранный опытъ юристовъ и подвергнуть его серьезной разработкѣ и оцѣнкѣ, то, въ результатѣ, по даннымъ этого матеріала, можетъ быть поставленъ глубокой и вѣрный діагнозъ болѣзней жизни и указаны и способы леченія этихъ болѣзней. Въ это дѣло діагноза болѣзней жизни я и хочу вложить свой трудъ, какъ сводку наблюденій изъ моей военно-судебной практики.

Воспоминанія мои, въ главномъ, относятся къ до-вольню уже отдаленному прошлому, къ 1902-1911 гг., захватывая, такимъ образомъ, частью мирное время, частью періодъ Русско-Японской войны и революціонный періодъ 1905-1906 гг. съ его ликвидаціей. „Но“, могутъ мнѣ сказать, „вѣдь это все такъ давно было, съ тѣхъ поръ такъ все въ Россіи перемѣнилось, что поучительнаго можетъ дать воспоминаніе о такомъ далекомъ прошломъ?“. Другіе, можетъ быть, скажутъ: „развѣ имѣютъ какой-нибудь общій интересъ воспоминанія о такой ограниченной сферѣ дѣятельности, какъ военно-судебная?“. На это я отвѣчу: Во 1-хъ, въ томъ, что было прежде, всегда есть много поучительнаго, — вѣдь и вся послѣдняя революція не возникла сразу въ 1917 году, а имѣетъ далекіе корни въ прошломъ, которые нужно знать, чтобы правильно оцѣнить и настоящее;

да и не ошибаются-ли тѣ, кто думаютъ, что человекѣ и его душевныя движенія, общество и двигающія имъ пружины такъ скоро мѣняются? вѣдь и революція въ самыхъ отрицательныхъ и безобразныхъ ея проявленіяхъ, въ сущности, только обострила, обнажила и довела до крайности то, что было темнаго и жестокаго въ человѣческой природѣ. А въ 2-хъ, сфера военно-судебной дѣятельности не была уже такъ ограничена, какъ представляется многимъ. Хотя она въ мирное время и касалась, главнымъ образомъ, обыденныхъ преступленій военно-служащихъ, но тѣмъ самымъ она входила въ ближайшее соприкосновеніе со всей жизнью арміи, отражающей въ себѣ ту-же широкую народную массу лишь въ особыхъ условіяхъ существованія, арміи, представляющей собою, конечно, громадный интересъ въ виду ея роли въ общемъ строѣ государственной жизни. Въ эпоху Русско-Японской войны и въ революціонный періодъ 1905-1906 гг. и въ послѣдующее за нимъ время военно-судебная дѣятельность значительно расширилась: за время войны военно-судебныя учрежденія стали лицомъ къ лицу съ различными слоями призваннаго по мобилизації въ армію гражданскаго населенія съ характерными взглядами, интересами и настроеніями того времени, а въ революціонный періодъ военные суды повсѣмъ важнѣйшимъ дѣламъ, — объ убійствахъ, разбояхъ, политическихъ движеніяхъ и революціонныхъ выступленіяхъ, — съ силу исключительныхъ положеній, — замѣнили собой суды гражданскаго вѣдомства, и, такимъ образомъ, практика военныхъ судовъ охватила собою всѣ наиболѣе серьезные эксцессы взбурлившей народной массы. Такимъ образомъ, военно-судебное вѣдомство имѣло передъ собой за то время матеріалъ большой и интересной, и, конечно, еще мало кому извѣстный.

Но есть и еще причина, по которой мнѣ хочется подѣлиться своими воспоминаніями: наблюденія мои по прошедшимъ за то время судебнымъ дѣламъ дали, естественно, извѣстный опытъ и въ самой техникѣ судебного процесса. Жаль этотъ опытъ оставить неиспользованнымъ. Вѣдь пройдетъ-же кровавый кошмаръ настоящаго безправія, возродится Россія, возродится въ ней правовая жизнь, начнутъ снова въ ней дѣйствовать судебныя

учрежденія на исконныхъ началахъ права и справедливости, — но уже и сейчасъ многіе изъ стараго поколѣнія юристовъ ушли изъ жизни, уйдутъ, быть можетъ, и еще нѣкоторые, къ дѣлу придутъ новыя лица, придетъ молодежь, — не сомнѣваюсь, съ идейнымъ стремленіемъ служить правосудію, — но безъ опыта. Такъ имѣемъ-ли мы право унести съ собою свой опытъ, не подѣлиться имъ съ грядущимъ поколѣніемъ судебныхъ дѣятелей, оставить ихъ самихъ искать себѣ пути въ сложной и отвѣтственной ихъ работѣ по служенію правосудію? Я считаю, что мы обязаны свой опытъ передать своимъ, такъ сказать, духовнымъ наслѣдникамъ. Въ этомъ отношеніи долженъ быть признанъ одинаково цѣннымъ опытъ и военныхъ юристовъ и судебныхъ дѣятелей гражданскаго вѣдомства, — вѣдь всѣ юристы, и гражданскіе и военные, воспитывались на общихъ началахъ Судебныхъ Уставовъ Императора Александра II, всѣ одинаково направляли свою дѣятельность на служеніе правдѣ и справедливости, всѣ дѣйствовали по одинаковымъ принципамъ и приѣмамъ въ дѣлѣ отысканія истины.

Обо всемъ, что касается меня лично, я буду писать совершенно откровенно. Тѣхъ, имена которыхъ, по какимъ-либо причинамъ, нежелательно приводить полностью, я буду называть сокращенно. Одно еще хочу сказать: все, о чемъ здѣсь буду писать — правда, здѣсь нѣтъ фантази.

1928 г.

Загребъ

Всѣ мы, военные юристы, питомцы Александровской Военно-Юридической Академіи. Слушателями академіи принимались лишь офицеры, прослужившіе передъ тѣмъ въ строю не менѣе 4 лѣтъ, — обусловливалось это тѣмъ, что для предстоящей дальнѣйшей дѣятельности военные юристы должны быть достаточно знакомы съ бытомъ арміи. Ежегодный пріемъ въ академію былъ ограниченный, 15-17 человѣкъ, и производился на основаніи двойного испытанія: сначала — экзамены при Штабахъ Округовъ, а затѣмъ, для выдержавшихъ эти экзамены, конкурсный экзаменъ при академіи, естественно, въ силу ограниченности вакансій, съ очень строгой нормой: въ 1899 году, когда я поступилъ въ академію, были по конкурсу приняты лишь лица, получившія въ среднемъ 10,17. Офицеры, принятые въ академію, продолжали считаться въ спискахъ своихъ частей, въ постоянной командировкѣ, подчиняясь уже исключительно Начальнику академіи. Курсъ въ академіи — трехлѣтній; первые два года были посвящены обще-юридическимъ наукамъ, по курсу юридическаго факультета университета (кромѣ римскаго права, торговаго права и статистики, но съ добавленіемъ, какъ обязательныхъ предметовъ, психологіи, анатоміи и фізіологіи и судебной медицины), а третій — специально военно-юридическимъ. Профессоры академіи имѣла возможность приглашать изъ Петербургскаго университета и Лицея, и имена ихъ — Проф. Гольмстенъ (гражданское право), Дерюжинскій (гражданскій процессъ), Гриммъ (энциклопедія права),

Ивановскій (государственное право), Гессенъ (полицейское право), Яроцкій (политическая экономія и финансовое право), Случевскій (уголовный процессъ), Косоротовъ (судебная медицина), — говорятъ сами за себя. На третьемъ курсѣ постановка преподаванія была особая: первая половина года — теоретическая подготовка — лекціи по военно-уголовному праву (Проф. Кузьминъ-Караваевъ), по военно-уголовному процессу, по военно-уголовному законодательству иностранныхъ государствъ (Проф. Шендзиковскій), — а во вторую половину года практическія занятія по военно-уголовному судопроизводству и разборъ сочиненій, которые долженъ былъ представить каждый изъ слушателей третьяго курса по одному изъ главныхъ предметовъ курса. Условія для окончанія академіи по I-му разряду, дающія право службы по военно-судебному вѣдомству, были серьезныя: надо было имѣть не менѣе 10 по каждому изъ главныхъ предметовъ и не менѣе 9 по каждому изъ второстепенныхъ; хотя-бы одна отмѣтка 8 по какому-либо второстепенному предмету на одномъ изъ экзаменовъ за всѣ три года уже лишала права окончанія по первому разряду. Такая серьезность требованій была и понятна: это былъ, въ сущности, тотъ-же конкурсъ въ виду ограниченности штатныхъ вакансій по военно-судебному вѣдомству; въ то время во всѣхъ военно-окружныхъ судахъ было всего около 300 военныхъ юристовъ. Окончившіе по II-му разряду въ исключительныхъ случаяхъ также могли быть принимаемы въ военно-судебное вѣдомство, но и помимо этого все-же получали права окончившихъ юридическій факультетъ университета и могли идти на службу въ учрежденія гражданскаго судебного вѣдомства, въ адвокатуру и т. д.

Съ чувствомъ глубокаго удовлетворенія вспоминаю я проведенное въ академіи время. Съ особымъ чувствомъ уваженія и признательности вспоминаю всегда Начальника академіи Генералъ-Лейтенанта Флорентія Николаевича Платонова: глубоко интеллигентный, всегда ровный и неизмѣнно доброжелательный ко всѣмъ, онъ давалъ собою общее направленіе всему строю академіи. Три года пребыванія въ академіи оставили впечатлѣніе исключительно интеллигентно и идейно прожитого времени.

Теоретическую подготовку академія давала намъ серьезную, готовность къ идейному служенію въ арміи дѣлу правосудія была у насъ самая искренняя, всѣ мы, не только слушатели одного выпуска, но и слушатели другихъ курсовъ, которые заставляли другъ друга въ академіи, очень близко стояли другъ къ другу, и эта общность идей и интересовъ связывала всѣхъ насъ, разошедшихся затѣмъ по великому пространству Россіи.

По установленному порядку, окончившіе академію прикомандировывались на одинъ годъ къ различнымъ военно-окружнымъ судамъ; затѣмъ, если этотъ служебный стажъ давалъ положительные результаты, прикомандированные переводились въ военно-судебное вѣдомство „кандидатами на военно-судебныя должности“; по отбытіи этого стажа, въ общемъ порядкѣ служебнаго повышенія, черезъ извѣстное число лѣтъ, шли назначенія на должности помощниковъ военныхъ прокуроровъ и военныхъ слѣдователей, — а затѣмъ уже, для прошедшихъ всѣ эти должности, приблизительно черезъ 15 лѣтъ пребыванія въ военно-судебномъ вѣдомствѣ, получалось назначеніе военными судьями, съ производствомъ въ генераль-маіоры, и, въ сущности, на этомъ, въ общемъ правилѣ, и заканчивалась карьера большинства чиновъ военно-судебнаго вѣдомства, ибо послѣдующія затѣмъ должности прокуроровъ и предсѣдателей судовъ, — по одному на судъ, — были слишкомъ малочисленны, чтобы каждый военный судья могъ безусловно на нихъ рассчитывать. Этотъ порядокъ службы уже опредѣленно указывалъ, что военно-судебное вѣдомство большой карьеры не обѣщаетъ, и это отсутствіе карьерныхъ соображеній придавало особо-симпатичный характеръ службѣ въ вѣдомствѣ; да и въ денежномъ отношеніи служба въ военно-судебномъ вѣдомствѣ не удовлетворила-бы лицъ, стремящихся къ матеріальнымъ благамъ. Но, взамѣнъ этого, служба въ военно-судебномъ вѣдомствѣ давала громадныя преимущества: прекрасныя взаимныя отношенія и серьезная, идейная, по призванію и убѣжденію, работа.

Я окончилъ академію въ 1902 году и былъ прикомандированъ къ Московскому военно-окружному суду. Въ составѣ суда и военно-прокурорскаго надзора я

засталъ лицъ, уже много и много послужившихъ по военно-судебному вѣдомству. Атмосфера въ судѣ и въ надзорѣ была прекрасная, — чувствовалось, что всѣ здѣсь люди одного образованія, однѣхъ идей; во взаимныхъ отношеніяхъ всегда проявлялась полная доброжелательность; особенно симпатичный колоритъ придавалъ всему военный прокуроръ Генералъ Ивановъ, спокойный, радушный, „старый русскій баринъ“ — въ личныхъ отношеніяхъ безукоризненно выдержанный, въ служебныхъ — проявлявшій полное вниманіе и довѣріе къ работѣ каждаго изъ насъ. Однимъ словомъ, обстановка не оставляла желать ничего лучшаго. Надо было только начинать дѣйствительную работу.

Прикомандированные и кандидаты на военно-судебныя должности исполняли общую работу военно-прокурорскаго надзора по разсмотрѣнію поступающихъ въ надзоръ дознаній и предварительныхъ слѣдствій и по составленію по нимъ заключеній и обвинительныхъ актовъ, а въ судебныхъ засѣданіяхъ выступали въ качествѣ защитниковъ какъ въ мѣстѣ нахожденія суда, такъ и въ выѣздныхъ его сессіяхъ. Въ этихъ двухъ формахъ и было мое первое соприкосновеніе съ военно-судебными дѣлами военно-окружнаго суда. Конечно, первое время дѣлѣ сложныхъ и отвѣтственныхъ прикомандированные и кандидаты не получали, — ихъ разсматривали помощники военнаго прокурора, — но каждому изъ насъ могла выпасть защита и по очень серьезному дѣлу.

Отлично помню свои первыя впечатлѣнія: какъ-бы ни было по внѣшности незначительно дѣло, — ясно вставало сознаніе нравственной отвѣтственности за него; въ каждомъ дѣлѣ чувствовалась скрытая за нимъ жизнь: за формальными актами дознанія и слѣдствія стояла живая личность обвиняемаго; ясно сознавалась необходимость борьбы съ преступленіями, но и необходимость осторожности и въ опредѣленіи виновности того или другого лица, и въ опредѣленіи характера и размѣра наказанія. Каждый изъ насъ понималъ, что приговоръ суда долженъ быть голосомъ величайшей справедливости, что какъ оправданіе виновнаго нарушаетъ идею правосудія, такъ и осужденіе невиновнаго есть жесто-

чайшій ударъ по правосудію. Каждый понималъ, что и самое незначительное по нашимъ военно-уголовнымъ законамъ наказаніе, — одиночное заключеніе въ военной тюрьмѣ, — хотя-бы и на самый малый срокъ (отъ 1 до 4 мѣс.), — не шутка, не игра. Всѣ мы помнили завѣтъ А. Ф. Кони: „обвиняемый — еще не преступникъ, но и преступникъ человекъ“. Поэтому и понятна постоянная тревога не только въ дѣлѣ рѣшенія вопроса о виновности подсудимаго, но и въ дѣлѣ опредѣленія наказанія, и тревога не только судьи, но и каждаго, кто имѣетъ отношеніе къ рѣшенію судебного дѣла.

Общія задачи и общее направленіе работы опредѣлялись совершенно ясно. Военно-судебная дѣятельность имѣетъ задачею борьбу съ преступленіями въ арміи. Дѣятельность по борьбѣ съ преступленіями есть, въ сущности, одна изъ сторонъ общей идейной работы, направленной на созданіе и поддержаніе нормальныхъ, здоровыхъ условій существованія въ той или иной области жизни. Чѣмъ важнѣе та сфера, въ которой проявляется эта идейная работа, тѣмъ выше и благотворнѣе должна быть признана и самая дѣятельность. Въ этомъ смыслѣ работа по созданію здоровыхъ условій жизни арміи и работа по борьбѣ съ преступленіями въ арміи являются въ высшей степени серьезными по своему значенію. Вѣдь армія одна изъ самыхъ главныхъ частей государственнаго организма, — она служитъ охраненію цѣлости, чести и величія государства. Кромѣ технической стороны, — вооруженія, боевыхъ средствъ, спеціальнаго военнаго обученія, опредѣляющихъ достоинство арміи, какъ боевой силы, — громадное значеніе имѣетъ и моральное состояніе арміи, начала, на которыхъ строится ея бытъ, которыя опредѣляютъ внутреннія отношенія въ арміи, завѣты, которыми армія живетъ. Армія — носительница лучшихъ началъ государственности. Не стало арміи, какъ стройной, идейно-сорганизованной силы, живущей святыми завѣтами, — не стало и величія Россіи. Но и это еще не все: армія — живая часть народа, армія — школа народа. Армія ежегодно вбираетъ въ себя значительное число изъ населенія, держитъ этихъ людей въ своемъ составѣ извѣстное время и потомъ опять отдаетъ ихъ граждан-

скому быту. Вѣдь, въ сущности, болѣе 30% мужского населенія проходитъ черезъ армію*). Приходятъ они въ армію въ возрастѣ, когда только-только, можно считать, начинаетъ серьезно сформировываться человѣкъ, и уходятъ въ гражданскій бытъ, въ общемъ, въ возрастѣ 24-25 лѣтъ, уже въ зрѣломъ вполнѣ возрастѣ. Все, что они добыли до времени призыва, — все они приносятъ съ собой въ армію; все, что имъ дастъ армія за время пребыванія въ ней, — они унесутъ съ собой въ гражданскій бытъ; сумѣетъ армія воспитать въ проходящихъ черезъ нее лицахъ здоровыя государственныя, національныя и общественныя убѣжденія, — съ этими здоровыми убѣжденіями вернутся эти лица въ широкой просторъ гражданской жизни. Армія и жизнь ея поэтому достойны глубокаго вниманія и серьезнаго изученія и серьезной работы надъ нею.

Въ интересахъ этого изученія арміи и работы надъ нею постараюсь систематизировать добытыя моимъ наблюденіемъ и опытомъ данныя, касающіяся, въ основныхъ чертахъ, жизни арміи, преступленій, встрѣчающихся въ ея средѣ, и способовъ и формъ борьбы съ этими преступленіями. Для начала ограничусь только тѣмъ матеріаломъ, который относился къ мирному времени, до начала Русско-Японской войны; лишь въ нѣкоторыхъ случаяхъ я вынужденъ буду касаться здѣсь фактовъ и явленій, наблюдавшихся за время этой войны, но все-же лишь такихъ, которые собственно съ военнымъ временемъ не были связаны.

Что, собственно, представляетъ изъ себя армія? Ядро ея составляетъ организующій, воспитывающій аппаратъ, — офицерскій составъ, изъ лицъ, посвятившихъ себя служенію арміи, отдающихъ ей всѣ свои силы и жизнь, — величина, болѣе или менѣе, постоянная. Остальная масса арміи — составъ переменный, —

*) При общемъ ежегодномъ количествѣ 900 тысячъ молодыхъ людей призывного возраста, въ армію ежегодно бралось изъ нихъ 330 тысячъ.